

Глава XVIII. Всеобщая забастовка в Сарагосе

Дуррути выехал из Бургоса вместе с товарищами из Сарагосы, с которыми отбывал наказание в тюрьме: Эхарке, Хоакином Аскасо, братьями Алькрудо и др. Когда они прибыли в столицу Арагона, Дуррути, чтобы повидаться с арагонскими товарищами, сделал остановку в этом городе. Первое впечатление, уже на перроне Сарагосы, отражало последствия всеобщей забастовки, которую, в знак солидарности с узниками, объявили арагонцы. Профсоюзы Сарагосы приняли решение провести общую забастовку, которая должна была завершиться только после освобождения активистов, арестованных в результате декабрьского восстания. Поскольку ещё не все товарищи были на свободе, сарагосцы, верные своему слову, продолжали стачку. В этой провинциальной столице работали только самые необходимые учреждения: молочные магазины, булочные и больницы. Остальные отрасли производства или сферы услуг были парализованы, включая уличное освещение и коммунальные услуги, как, например, уборка мусора. Сарагоса напоминала осаждённый город, по которому передвигались люди, похожие скорее на призраков. Тем не менее энтузиазм рабочих не имел границ. НКТ других провинций Испании предложила бастующим продовольствие, но арагонцы отказались, и только после долгих уговоров Франсиско Аскасо согласились доверить своих детей на время забастовки семьям членов НКТ, солидарных с семьями стачечников.

В тот день, когда Дуррути прибыл в Сарагосу, там находились делегаты из Барселоны, принявшие на себя организацию перевоза детей, которые должны были выехать по направлению в Сьюдад Кондаль (Ciudad Condal)⁴²⁴. Там уже находилась и делегация из Мадрида, которая отвечала за значительное количество детей забастовщиков. Договорившись с каталонскими делегатами о совместных действиях, Дуррути выехал в Барселону, чтобы на месте наилучшим способом обеспечить приём детворы.

Пока Буэнавентура ехал в Барселону, ему удалось прочесть подпольную газету, издаваемую местной федерацией групп анархистов Барселоны, которая заменяла запрещённую *Tierra y Libertad*. Краткое описание положения в каталонской столице, с точки зрения ФАИ, переносило Дуррути в самые худшие моменты правления Анидо и Арлеги:

«Каталонские тюрьмы переполнены. К узникам применяются условия строгого режима. Палач Рохас опять на посту начальника тюрьмы Модело в Барселоне. Наши печатные органы — под запретом. *Solidaridad Obrera* и *Tierra y Libertad* не могут донести информацию до рабочих масс. Редакции наших газет — под постоянной атакой. Арестовывают редакторов и административных служащих. Приложение к *Tierra y Libertad* (теоретический журнал) обязано выплатить штраф в 5 000 песет, без какого-либо на это объяснения. Профсоюзы НКТ объявлены вне закона. Кафе и бары, где обычно встречаются наши товарищи, считаются

местами для тайных собраний. Ведётся охота на активистов ФАИ и НКТ, как никогда ранее. В Комиссариате охраны правопорядка задержанных жестоко избивают.

В результате недавних грабежей полиция производит обыски и облавы, возмущающие даже самого робкого гражданина. В полицейских застенках уже несколько дней сидят наши товарищи. Женщин-активисток заточают в тюрьмы за самые незначительные нарушения. Всё это имеет место в Каталонии под руководством Луиса I — президента автономного каталонского правительства.

“Что делать?” — задавала вопрос ФАИ. Что ж, нужно действовать. И в подпольных условиях, навязанных нам Автономным правительством. Выход в свет этой подпольной газеты — начало нашего ответа бравадам каталонских властей, которые взяли курс на прямое уничтожение. Этот печатный орган послужит началом нового революционного периода. Товарищи должны распространять его на фабриках, в мастерских, рабочих кварталах и на всех производственных точках. Нам не нравятся пещеры, мы предпочитаем солнечный свет для пропаганды наших идей; но, поскольку нас заставляют скрываться, мы уходим в подполье с верой в победу, с энтузиазмом, самоотверженно и знанием нашей мощи и правды — эта правда помогает рабочему классу в его каждодневной борьбе за хлеб и свободу»⁴²⁵.

Читая газету, Дуррути наверняка ещё раз подумал о фальши политиков. Он участвовал в конспиративной работе вместе с Франсеск Масиá, находясь в Брюсселе и во Франции, и много раз делился со старым каталонистом средствами, которых у того не доставало. «Солидарные» поддерживали молодых активистов каталонской автономии, но сегодня они в полицейских участках избивали членов НКТ, которые боролись в своё время против диктатуры Примо де Риверы. Франсеск Масиá достиг вершины политической театральной игры: в первые дни после провозглашения Республики и встретившись с Дуррути на одном из митингов в Лэриде, обнял его и, плача, сказал: «Я обнимаю сейчас всех анархистов, мужественно сражавшихся за Республику». Несколько дней спустя после такого сентиментального признания подразделения «мосос де эскуадра» обстреливали манифестацию в честь празднования 1 мая 1931 года; кроме того, приводились доводы, что сами каталонцы ещё не были хозяевами судеб Каталонии, и поэтому представлялось невозможным провести глубокую ревизию и чистку репрессивных структур. Но... затем провозгласили автономию Каталонии, и с тех моментов в отношении НКТ установился настолько жёсткий режим репрессий, что подобных ему не существовало во всей истории, и это вдобавок к тому, что в истории НКТ репрессии следовали одна за другой.

Когда Дуррути наконец ступил на порог своего жилья на улице Фресер, ему показалось необыкновенным сном видеть, как изменилась его дочка Колетт, с которой он практически не жил и не смог участвовать в первых шагах и словах малышки. Но теперь девочка уже говорила и бегала, внося в его жизнь смех и радость. Однако семейное счастье длилось недолго. Тем же самым вечером, чтобы поприветствовать и поговорить, к нему зашли товарищи из рабочего квартала Клот. И, конечно же, тема репрессий заняла всё время беседы. Дуррути узнал о гибели от рук полиции двух старых друзей. Один из них — итальянский товарищ, с которым он познакомился в Бельгии, Бруно Альпини. Итальянец работал сапожником на улице Рогент, неподалёку от дома Дуррути. Мими часто отдавала

ему в починку туфли. Деятельность Бруно в Барселоне более имела отношение к Италии, нежели к Испании. Он поддерживал контакты с товарищами, живущими при режиме Муссолини, и помогал им материально, а также доставал для них боеприпасы. Его убийство никак нельзя было объяснить, разве что итальянские агенты работали в координации с каталонским властями — Жозефом Денкасом, советником внутренних дел автономного правительства. Наверняка они совместно организовали убийство Бруно ввиду его революционной деятельности против Муссолини. Как бы то ни было, Бруно задержали на его рабочем месте в девять часов утра, а в одиннадцать вечера его нашли мёртвым на улице Крус Кубьерта с шестью выстрелами, произведёнными в голову, один из них — в затылок. «Ла Пренса» опубликовала сводку полиции, где говорилось: «Бруно Альпини, итальянец 30 лет, уроженец Милана, был задержан при попытке грабежа. Он оказал сопротивление, но полиции удалось справиться с ним; при сопровождении арестованного в полицейский участок тот попытался вырваться, и именно в результате попытки к бегству произошла фатальная развязка — гибель задержанного».

Как обычно, полиция прибегала к такого рода аргументам, чтобы оправдать применение закона «расстрела при попытке к бегству».

Однако происшествие, повлёкшее за собой смерть Бруно Альпини, на этом не закончилось. Некто из его добрых друзей по прозвищу Эль Сэнтим — молодой активист фабрично-текстильного профсоюза — задумал отомстить и уничтожить Мигеля Бадию, генерального комиссара охраны порядка. Узнав, что тот обычно посещает один из клубов-кабаре на улице Паралело, однажды вечером Эль Сэнтим подождал его выхода из ночного клуба и попытался разрядить в виновника смерти Альпини всю обойму своего пистолета. К несчастью, попытка не удалась, так как многочисленная охрана оградила своего хозяина, и в свою очередь выстрелила в нападающего... Мститель гибели Альпини замертво упал на тротуар426.

Кровавая расправа над выдающимися товарищами возмущала Дуррути, так как, несмотря на ауру жестокости, пропагандируемую буржуазным общественным мнением, одной из его добродетелей было великодушие. По природе своей Буэнавентура ненавидел агрессию и никогда не использовал жёсткие методы по доброй воле, а исходя из необходимости самозащиты или конечного ресурса и только в самой минимальной степени. Однако тем вечером в его доме на улице Фресер его жесты и взгляд говорили сами за себя: если бы в его силах было добраться до Бадии, то Буэнавентура уничтожил бы его...

По прибытии Дуррути в Барселону одним из его первых дел было обсуждение положения рабочих Сарагосы вместе с членами Регионального комитета НКТ; его секретарём по воле случая оказался Франсиско Аскасо. Однако единственной помощью бастующим на данный момент могли быть поддержка и приём тысяч детей, которые вот-вот должны были прибыть в Барселону. Население этого города с энтузиазмом ответило на призыв НКТ: в редакцию Solidaridad Obrera пришли более 25 тыс. семей, готовых принять детей бастующих. Во второй раз в Испании наблюдалось такое проявление солидарности. Первое имело место в 1917 году, когда шахтёры Риотинто объявили длительную забастовку и также прибегли к эвакуации детей. Но теперь последствия были бóльшими, так как речь шла о приёме детей стачечников огромного города — Сарагосы.

Аскасо поделился с Дуррути сомнениями в отношении каталонских властей, которые могли бы воспрепятствовать приезду детей из Сарагосы. Для барселонского правительства, преследовавшего НКТ и бросившего эту организацию в условия подполья, такое действие солидарных рабочих рассматривалось как настоящая пощечина: из глубин подполья НКТ смогла с таким успехом мобилизовать население Барселоны. Когда муниципалитет Барселоны узнал об организации упомянутой экспедиции детей, то послал в Арагонский центр своего уполномоченного с целью сообщить руководству, что Женералитет был готов позаботиться о детях, прибывавших из Сарагосы.

Комиссия Арагонского Центра, в большинстве своём состоящая из активистов или симпатизирующих НКТ и которая на общем съезде членов постановила поддержать инициативу Конфедерации, ответила официальному лицу, «что её действия отвечали чувству солидарности и патриотизма и что сообщество арагонцев в Барселоне рассматривало свою помощь как долг взаимопомощи своим бастующим братьям». Именно такое вмешательство Женералитета наводило Аскасо на мысль, что власти могли задумать какой-либо манёвр с целью помешать успеху проявления рабочей солидарности. Дуррути упрекнул друга в присутствии тому недоверии и сказал: «Такое было бы пределом всему».

Дуррути рассказал товарищу о трудностях устройства на работу, так как всё ещё продолжался конфликт с буржуазией и профсоюзом фабрично-текстильной отрасли Ramo del Agua, в рядах которого состояли оба. Аскасо посоветовал встретиться с товарищами из Профсоюза работников пищевой промышленности, которые, пользуясь началом летнего сезона, могли помочь устроиться на временную работу на одну из пивных фабрик — «Дамм» или «Моритц». Они договорились увидеться на следующий день в редакции Soli, так как именно туда 6 мая сказали прийти семьям, принимавшим детей из Сарагосы.

6 мая выпало на воскресенье. Прибытие каравана намечалось на шесть вечера, но уже с четырёх часов второй половины дня улица Консехо-дэль-Сьенто и квартал, где располагалась редакция конфедерального органа, были заполнены толпами народа. Движение автомобилей на улицах прекратилось, на место встречи, готовые принять детей, явились 25 тыс. человек. В толпе было много женщин и детей — семьи в полном составе проявили свои солидарные и братские чувства к нуждающимся в поддержке.

В шесть вечера по громкоговорителю объявили, что караван с детьми опаздывал, так как во многих посёлках и деревнях люди желали приветствовать едущих, демонстрируя таким образом солидарность с бастующими. Планировалось, что машины с детьми придут примерно в девять часов вечера. Многие люди, опасаясь потерять занятое место поближе к зданию газеты, не захотели отойти и остались ожидать. Таким образом, число ожидающих приблизительно оставалось тем же.

Вот уже наступило девять вечера, а караван всё не подъезжал. Подобное промедление вызвало подозрения, и ряд таксистов — членов НКТ — выехал на своих машинах навстречу каравану. Однако время шло и было уже почти десять вечера, а новостей всё не было. Люди задавали себе вопрос о причинах опоздания, как вдруг неизвестно откуда показался кавалерийский эскадрон Гвардии безопасности, который начал теснить собравшуюся толпу, издавая крики: «Потеснись!»

Лавина заставила толпу людей сжаться. Послышались крики женщин и детский плач; мужчины, как могли, старались оградить жён и малышей от агрессии. Всадники продвигались, толкая и давя людей. Крики стали громче. Один из членов Комиссии, предчувствуя кровавый исход, призвал народ сохранять спокойствие. Другой товарищ, насколько смог, продвинулся вперёд, чтобы переговорить с гвардейцами; однако ему не удалось это сделать. И вдруг, неизвестно как, послышались взрывы петард, послужившие своего рода сигналом для Гвардии безопасности: она удвоила мощь атаки на людей. К ней присоединилось значительное число штурмовиков, подоспевших к месту на грузовиках; с резиновыми дубинками в руках, они принялись наносить удары налево и направо, не щадя ни женщин, ни детей. Наблюдателям представились ужасающие своим садизмом сцены. Мужчины попытались образовать живую цепь для защиты своих жён и детей, но гвардейцы безжалостно продолжали избивать людей.

Крики людей попеременно с детским плачем — обстановка напоминала сущий ад; но стало ещё страшнее, когда штурмовики пустили в ход пистолеты и натиск лошадьми. На освобождающихся от людей местах там и сям лежали раненые и один труп; гвардейцы притянули тело за ноги, оставляя его посередине улицы. С балкона редакции Soli Аскасо глазами, горящими от ярости, смотрел на сцены невообразимой жестокости. А Дуррути, стоявший рядом с ним, раскаивался в своём великодушном настроении в день накануне событий.

Но что делать? Инстинкт быстрее, чем разум, смог найти выход из положения. Человеческая стена, сдерживающая натиск и грубость полицейских, мужественно выдержала удары, позволяя ретироваться женщинам и детям. После этого оставшиеся на месте уже не стали безмолвно терпеть удары дубинками, а бросились в атаку на гвардейцев; те, не ожидавшие такого оборота дел, отступили, причём многие из них почувствовали на себе удары рабочих⁴²⁷.

Никто ничего не планировал — всё произошло спонтанно. Масса людей двинулась к центру города, заставляя городской транспорт — трамваи, метро и автобусы — прекратить движение. Подожгли несколько трамваев и напали на полицейский участок: из его здания через окна в панике бежали полицейские. Той ночью объявили всеобщую забастовку, которая продлилась вплоть до 12 мая. Рабочая Барселона единодушно продемонстрировала своё презрение и неприятие власти, прибегавшей к таким варварским мерам, чтобы показать свою ненависть к рабочему классу.

Но что же случилось с детьми из Сарагосы? В сумятице всеобщего хаоса к редакции Soli смог пробраться один из таксистов, чтобы предупредить о событиях в Молинс-де-Рей, неподалёку от Барселоны. Правоохранительные структуры автономной Каталонии (La Comisaría d'Ordre Públic), в намерении помешать организованному мероприятию, призвали на помощь подразделения Штурмовой гвардии; те в Молинс-де-Рей перекрыли путь каравану автобусов с детьми. Последовало столкновение с местным населением, но гвардейцам удалось выполнить приказ, состоявший в том, чтобы заставить процессию свернуть по направлению к Таррасе с целью задержать там детей. Аскасо, Дуррути и другие товарищи без промедления выехали туда; прибыв на место, они увидели, что анархистские деятели той местности уже собрались вместе. Группа товарищей направилась к месту, где

находились задержанные автобусы, оцепленные Штурмовой гвардией под началом капитана. Дуррути и Аскасо приблизились с решительным видом, под защитой рабочих, прибывших на место для поддержки, и, подойдя к первому автобусу, громко приказали водителю:

“ «Конечная остановка — НКТ. Без промедления — курс на Арагонский центр!»

Жители Таррасы заняли свои места в автобусах, рядом с детьми; а такси с Дуррути и Аскасо стало во главе каравана. Той же ночью дети бастующих Сарагосы спали в семьях пролетариев — конечном пункте их следования.

Версия #2

Зверобой создал 14 июля 2025 16:38:40

Зверобой обновил 17 августа 2025 19:19:10